

М. В. Рогюкова

О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова

«Если литература для многих храм священный, то одним из самых фанатических ее жрецов является С. А. Венгеров, маститый историк литературы, критик, профессор, собиратель и владелец единственного в своем роде книжного, рукописного и портретного хранилища <...>» — так писал о Семене Афанасьевиче Венгерове журнал «Солнце России» в связи с открытием Литературно-библиографического института¹. Выдающийся библиограф, подвижник, влюбленный в литературу, он сыграл заметную роль в литературном процессе конца XIX—начала XX веков и был известен прежде всего как автор и составитель чрезвычайно популярного «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», не утратившего своей ценности и в наши дни².

¹ Кауфман А. Е. С. А. Венгеров и его архив // Солнце России. 1916. № 351(45), ноябрь. С. 3.

² См. о нем: Мерцалов И. П. Друзья русской книги. С. А. Венгеров. Опыт характеристики // Известия товарищества Вольф. 1897. № 3. С. 58—64; Бонгарский Б. С. С. А. Венгеров: (Некролог) // Библиографические известия. 1920. № 3—4. С. 57—58; Венгеров С. А. Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пг., 1920; Кауфман А. Е. Влюбленный в литературу. Памяти С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 9(21). С. 6—8. Могзалевский Б. Л. С. А. Венгеров // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 614—617; Слонимский М. С. Черты из жизни С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 4; Фомин А. Г. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.—Пг., 1923. С. X—XXXIII; Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты. Л., 1925; Еголин А. М. Венгеров // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. II. С. 370—376; Каленцева А. Г. Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855—1920). М., 1964; и др.

Человек общительный и живой, С. А. Венгеров постоянно находился в центре литературной и общественной жизни России, мгновенно откликался на любое значительное событие, пользовался большой популярностью среди русской интеллигенции, был желанным гостем в литературных салонах Петербурга. Он состоял членом многочисленных обществ, принимал активное участие в деятельности Литературного фонда: в разное время избирался его секретарем, председателем и членом ревизионной комиссии. К нему постоянно обращались за советом и помощью. Нередко он вносил свои средства в различные благотворительные мероприятия.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится огромный архив С. А. Венгерова, отражающий всю его многогранную деятельность. По своему составу и содержанию архив очень разнообразен: труды С. А. Венгерова и подготовительные материалы к ним, его переписка, личные документы, материалы редакторской, педагогической, общественной деятельности, документы его родных, собрание рукописей писателей и ученых, протоколы и доклады студенческих семинаров и др. Особое место в архиве занимает обширная коллекция автобиографий писателей, ученых, общественных и политических деятелей. Среди них автобиографии И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, В. М. Гаршина, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Я. П. Полонского, Г. А. Лопатина, В. Д. Бонч-Бруевича и др. Эта коллекция, задуманная как подготовительный материал для Критико-биографического словаря, впоследствии приобрела самостоятельное значение как неисчерпаемый источник для изучения историко-литературного наследия. Плодом многолетнего труда С. А. Венгерова над составлением библиографических изданий явилась уникальная био-библиографическая картотека, содержащая сведения о 80000 писателей и ученых.

Архив С. А. Венгерова поступил в Рукописный отдел Пушкинского Дома в конце 1932—начале 1933 годов³. Сведения о нем содержатся в фондах С. А. Венгерова и его ученика, известного библиографа Александра Григорьевича Фомина.

Еще в пору студенчества С. А. Венгерова, в 70-е годы, было положено начало формирования его архива, когда он приступил к собиранию сведений о писателях и ученых, задумав грандиозный труд — многотомный Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. С этого же времени он стал проявлять глубокий научный интерес к библиографии. В последующие годы архив интенсивно пополнялся.

³ См. Книгу поступлений материалов за 1932—1933 гг. ИРЛИ. Дело фонда № 377.

В середине 80-х годов, в период подготовки к печати первого тома Критико-биографического словаря, «<...> работа приняла более широкие размеры, были приглашены сотрудники, и библиографический материал стал собираться одновременно о всех писателях <...>»⁴. А. Г. Фомин пишет, что к этой работе привлекли в 1888—1891 годы молодых библиографов и филологов, группировавшихся около В. И. Саитова⁵. Так было положено начало знаменитой био-библиографической картотеки С. А. Венгерова, насчитывающей уже к середине 1914 года около 2 млн. карточек. Одновременно С. А. Венгеров стал собирать автобиографии писателей, ученых, политических и общественных деятелей, обращаясь к ним через периодическую печать или рассылая им письма. К 1915 году он собрал около 3500 автобиографий⁶; был составлен список приславших автобиографии. С созданием в 1916 году Литературно-библиографического института расширилась библиографическая работа. Главной задачей нового учреждения являлась регистрация печатной продукции на русском языке после 1912 года⁷. Инициатором создания Института и его первым директором был С. А. Венгеров⁸. Его поддержали Ф. Д. Батюшков, Ф. Ф. Зелинский, Н. И. Кареев, Н. А. Котляревский, В. Н. Перетц, А. А. Шахматов и др. С этого момента судьба литературно-библиографического архива неразрывно связана с Институтом и его последующими преемниками. Здесь впервые был поставлен вопрос о сохранности архива. Так, в Уставе Института было записано, что он обязался «<...> взять на себя охрану архива проф. С. А. Венгерова, всегда обеспечивая ему помещение, и по мере возможности содействовать разработке собранных в архиве материалов <...>»⁹. На учредительном собрании Института С. А. Венгеров заявил, что «предоставляет свой архив в пользование Института, но сохраняет за собой право собственности на него»¹⁰

⁴ Протокол учредительного собрания Литературно-библиографического института от 21 октября 1916 г. (ИРЛИ, Ф. 377).

⁵ Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты (ныне Институт книговедения). Л., 1925. С. 3—4.

⁶ В настоящее время коллекция насчитывает свыше 4000 автобиографий.

⁷ См.: Устав Литературно-библиографического Института. Пг., 1916. С. 3.

⁸ См.: Протокол заседания Совета Литературно-библиографического Института от 20 ноября 1917 г. (ИРЛИ, Ф. 377).

⁹ Устав Литературно-библиографического Института. С. 3.

¹⁰ Протокол учредительного собрания Литературно-библиографического Института от 21 октября 1916 г. (ИРЛИ, Ф. 377).

Постоянная нехватка денежных средств тормозила работу Института, созданного на общественных началах. С учреждением в 1917 году Книжной палаты, регистрация печати была поставлена на государственную основу. Первым директором Книжной палаты стал С. А. Венгеров, остававшийся на этом посту до конца своих дней.

В мае 1917 года из-за отсутствия средств Литературно-библиографический институт, сыгравший важную роль в развитии русской библиографической науки, прекратил свое существование. Сохранился список членов Института. Среди них такие выдающиеся ученые и литераторы, как В. Я. Брюсов, Б. Л. Модзалевский, Н. А. Котляревский, С. Ф. Ольденбург, Н. К. Пиксанов, А. А. Шахматов, И. А. Шляпкин, Павел Флоренский и др.¹¹. Были и коллективные члены, такие как Книгоиздательство Маркса, М. и С. Сабашниковых, «Мир», «Общество деятелей периодической печати и литературы в Москве», «Русские Ведомости»¹².

В 1918 году в качестве преемника Литературно-библиографического института было учреждено Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественности в России при Отделе ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса, позже присоединенное к Книжной палате¹³. По замыслу С. А. Венгерова, Бюро должно было регистрировать печатную продукцию с 1913 по 1916 гг., так как ее регистрация прекратилась после закрытия Литературно-библиографического института.

В Москве, в июне 1920 года, Постановлением СНК была создана Центральная книжная палата, которой поручалось собирать и регистрировать новые печатные издания, а также распределять их по государственным учреждениям. Российская же книжная палата в Петрограде теперь вела только научно-библиографическую работу. Она была переименована в Российский институт книговедения¹⁴.

Вопрос о приобретении государством архива С. А. Венгерова ставился неоднократно. Так, еще в 1917 году Подкомиссия по регистрации произведений печати и «Книжной летописи»¹⁵ под

¹¹ См.: Список членов Литературно-библиографического института на 1 янв. 1918 г. (ИРЛИ. Ф. 377).

¹² Там же.

¹³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 2.

¹⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 209—210.

¹⁵ Подкомиссия была создана при Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати под председательством комиссара печати Д. П. Капниста. Она разрабатывала проект учреждения Книжной палаты. Подробнее см.: *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты. С. 10—11.

председательством П. Е. Щеголева поставила вопрос о приобретении Палатой библиографической части архива С. А. Венгерова¹⁶. Этот же вопрос возник снова после присоединения к Книжной палате вышеназванного Бюро. В июне 1919 года Президиум Палаты постановил: «<...> признать необходимым в связи с включением в состав Книжной палаты <...> Бюро присоединение к Палате библиографического архива С. А. Венгерова». Была образована Особая комиссия для ознакомления с архивом¹⁷.

Первое заседание Комиссии состоялось 26 января 1920 года под председательством академика С. Ф. Ольденбурга. На заседании с докладом о своем архиве выступил С. А. Венгеров¹⁸. Комиссия постановила: просить С. А. Венгерова подготовить записку о принципе составления картотеки, ее объемах и методах оформления карточек; образовать подкомиссию для оценки архива в целом. В состав подкомиссии вошли Я. П. Гребенщиков, М. Д. Орехов, А. С. Поляков, А. Г. Фомин. В сентябре того же года состоялось второе заседание Комиссии. На нем отмечалось, что «картотека профессора С. А. Венгерова представляет <...> ценный научный и справочный материал и должна быть приобретена государством, а не кем иным <...>»¹⁹. Выступивший на заседании А. Г. Фомин подчеркнул, что при оценке собрания С. А. Венгерова необходимо учитывать не только картотеки, которые составляют лишь часть архива, но и другие его части: коллекцию автобиографий русских писателей, собрание их рукописей и портретов, Пушкинское собрание, библиотеку и пр. Комиссия приняла решение о приобретении архива государством и передаче его Российской книжной палате. Решено было составить подробную опись архива и сохранить его навсегда как нераздельное целое²⁰.

Осенью 1920 года произошло ухудшение здоровья С. А. Венгерова, появилось опасение, что дни его сочтены. Беспokoясь за дальнейшую судьбу архива, Президиум Палаты на экстренном заседании 13 сентября решил просить С. А. Венгерова «закрепить свою волю в передаточной записи <...>»²¹. Немедленно пять членов Президиума отправились к нему на квартиру, где в присут-

¹⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 71.

¹⁷ См.: там же. Л. 2.

¹⁸ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ См.: там же. Л. 7.

²¹ ИРЛИ. Дело фонда № 377.

ствии членов семьи была составлена «передаточная запись» (договор), подписанная С. А. Венгеровым. По этой записи все его собрание передавалось в полном объеме Книжной палате на условиях, оговоренных в «передаточной записи»²².

14 сентября 1920 года С. А. Венгерова не стало. 15 сентября по распоряжению Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений архив и библиотека были «переданы под наблюдение и ответственность Российской книжной палаты <...>»²³. Направленное этим же Отделом в Президиум Института книговедения (бывш. Российской книжной палаты) письмо от 10 декабря 1920 года рекомендовало передать архив С. А. Венгерова «в полном составе для хранения, пополнения и обработки Отделу собирания био-библиографических и иконографических материалов о деятелях науки и литературы (бывш. Бюро — М. Р.) как учреждению, специально организованному для работ в архиве С. А. Венгерова ...»²⁴. Заведующему отделом М. Г. Флееру предлагалось «немедленно принять архив и приступить к возобновлению прерванных в нем работ <...>»²⁵.

Осенью 1921 года перевозка архива в Институт книговедения была закончена. Его разместили в особом помещении, примыкающем к Институту. После приведения архива в порядок 15 сентября 1922 года состоялось его открытие, где со вступительным словом выступил новый директор Института, академик Н. К. Никольский. О составе и характере материалов С. А. Венгерова сделал сообщение ученый секретарь Института А. Г. Фомин. Архив был открыт для обозрения публики.

Наступил новый этап в его жизни. С этого момента началась ежедневная кропотливая работа по систематизации и описанию архива. Возглавляли эту работу: сначала — ученик С. А. Венгерова В. С. Спиридонов, а после его отъезда из Петрограда Совет Института избрал на эту должность А. Г. Фомина. Были установлены часы работы для посетителей архива: вторник, среда, пятница с

²² Условия были таковы: 1) архив принимался как «единое нераздельное целое» и не мог «быть разделен ни в настоящем, ни в будущем <...>»; 2) архив при жизни С. А. Венгерова оставался в полном его ведении; по мере описания архива и его оценки сумма за оцененные части архива передавалась либо ему, либо членам его семьи; 3) описание и оценка архива должна быть закончена в течение пяти лет с момента заключения договора (Подробнее см.: ИРЛИ. Дело фонда № 377).

²³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 20.

²⁴ Там же. Л. 21.

²⁵ Там же.

14 до 16 часов. Сохранилась Книга для записей посетителей архива С. А. Венгерова за 1923—1931 гг.²⁶. Здесь мы находим сведения о читателях и их занятиях. Архив посещали студенты, филологи, историки, среди них наиболее значительные имена — С. Д. Балухатый, П. Н. Берков, Л. Б. Модзалевский, С. И. Ожегов, А. Н. Пыпин, Б. В. Томашевский, К. И. Чуковский и др. Исследователи интересовались материалами В. Я. Брюсова, Л. Н. Андреева, И. Ф. Анненского, А. М. Ремизова, В. М. Гаршина, библиографией Л. Н. Толстого, А. Белого, протоколами Пушкинского семинария; делались снимки с Пушкинских автографов; проводились экскурсии, подбирались материалы для выставок.

Сохранились сведения о количестве читателей. Так, за 1924 год архив посетило 85 человек.

Выполняя волю покойного С. А. Венгерова, Совет Института в ноябре 1922 года образовал Особую комиссию для оценки картотеки, библиотеки и архива С. А. Венгерова. Сохранился протокол Комиссии от 12 декабря 1922 года²⁷. Комиссия оценила все собрание С. А. Венгерова » в 1422000 руб. дензнаками 1922 года или в переводе по курсу Госбанка в день производства оценки в 11850 золотых рублей <...>»²⁸, что составило весьма незначительную сумму. При проведении оценки Комиссия устанавливала самые минимальные цены. Так, книга в среднем оценивалась в 150 руб., автобиография писателя — в 500 руб., фотография с Пушкинских рукописей — в 600 руб., портрет писателя — в 150 руб. дензнаками 1922 года. Институт книговедения обратился в Главнауку с ходатайством о вознаграждении наследников С. А. Венгерова, исходя из установленной суммы оценки архива Комиссией. Одновременно с аналогичным ходатайством во ВЦИК обратился и сын С. А. Венгерова, Всеволод Семенович Венгеров. По Постановлению СНК от 29 августа 1923 года наследникам С. А. Венгерова была выплачена часть оценочной суммы — 5000 руб. золотом из резервного фонда СНК.

В 1924 году между дирекцией Института книговедения и группой учеников С. А. Венгерова возникают разногласия по вопросам хранения и использования материалов архива. 24 ученика С. А. Венгерова (среди них Н. В. Измайлов, А. С. Искоз-Долинин, Ю. Г. Оксман, Ю. Н. Тынянов, А. Г. Фомин, Б. М. Эйхенбаум и др.) обратились в Институт книговедения с заявлением о своем несогласии с действиями администрации²⁹. В нем подчеркивалось,

²⁶ См.: ИРЛИ. Дело фонда № 377.

²⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 26—27 об.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 51—53 об.

что С. А. Венгеров, передавая свой архив Книжной Палате, рассматривал ее как центр работы его учеников, которым он вверял судьбу своего архива. Отмечалось, что Институт, приступая к подготовке издания архива, не привлек к этому специалистов по истории новой русской литературы и отстранил от этого дела учеников С. А. Венгерова, знакомых с происхождением и историей материалов архива. Руководители Института без должного внимания относятся к архиву и распоряжаются им по своему усмотрению: Институт «предает некоторые части архива уничтожению <...>»³⁰. Для подготовки и издания материалов архива ученики С. А. Венгерова потребовали создать компетентную комиссию с их участием. К заявлению присоединилась и семья С. А. Венгерова. Его сын, Всеволод Семенович, направил в Институт письмо по поводу неудовлетворительного использования архива и поддержал предложение о создании комиссии³¹. В ответ на заявление Институт книговедения 24 мая 1924 года направил письмо в Ленинградское отделение Главнауки с опровержением всех обвинений в свой адрес³². В нем отмечалось, что научная разработка архива ведется по плану, составленному лично С. А. Венгеровым. Институт возражал против создания комиссии, так как это ставило бы государственное научное учреждение под контроль неответственного собрания общественных деятелей <...>, он не был намерен вступать в переговоры с «самочинной организацией»³³.

29 сентября 1924 года в вечернем выпуске «Красной газеты» появилась заметка: «Об архиве С. А. Венгерова (письмо в редакцию)». Без подписи³⁴. В ней говорилось, что «никакой научной разработки архива <...> не производится, благодаря отсутствию сотрудников, могущих продолжить дело С. А. Венгерова <...>; <...> архив оказался обреченным на существование общественно-бесполезное <...>»³⁵. Дирекция Института снова выступила с опровержением, отметив, что архив С. А. Венгерова находится в полном порядке, и она не желает вступать в полемику с

³⁰ В частности, имел место случай продажи газет на макулатуру (См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 51).

³¹ См.: ИРЛИ. Дело фонда № 377.

³² См.: там же. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 57—59 об.

³³ Там же. Л. 59 об.

³⁴ Там же. Л. 60.

³⁵ Там же.

безответственными лицами³⁶. Однако в феврале 1925 года Ленинградским отделением Главнауки была образована Комиссия по вопросу о рациональном использовании собрания С. А. Венгерова в составе представителей Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ), Пушкинского Дома, Института сравнительной истории литературы при Ленинградском университете, Литературного отделения Института истории искусств, Института книговедения и учеников С. А. Венгерова.

Большинство членов комиссии высказались за то, что по составу и характеру материалов архив С. А. Венгерова должен принадлежать либо Институту книговедения, либо Пушкинскому Дому. О целесообразности передачи архива Пушкинскому Дому высказался Б. В. Томашевский, в то время заместитель заведующего Отделением по научной части ЛОГ, и инспектор Отделения Л. П. Якубинский. Этот же вопрос рассматривался и на совещании 12 февраля 1925 года при Научной части ЛОГ. Выступивший от имени Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский выразил полное согласие с решением о передаче архива Пушкинскому Дому. Развернувшаяся дискуссия по вопросу дробления архива выявила полярные точки зрения. Так, Н. А. Котляревский и представитель Института книговедения В. В. Сиповский высказались за возможность дробления архива в интересах использования, а А. Г. Фомин был категорически против.

В сентябре 1925 года ученики С. А. Венгерова: А. С. Искоз-Долинин, В. С. Спиридонов и А. Г. Фомин — направили письмо в АН СССР, обосновав необходимость передачи архива Пушкинскому Дому и подчеркнув, что такова была воля покойного С. А. Венгерова: «<...> в случае закрытия Палаты или изъятия из нее архива он должен перейти в Пушкинский Дом <...>»³⁷. Особо отмечалась неделимость архива — архив передавался в Академию Наук полностью.

Дело, однако, затянулось на несколько лет. В июле 1932 года Президиум АН направил в Сектор науки Наркомпроса РСФСР ходатайство о передаче архива в ИРЛИ, подчеркнув, что он органически сливается с архивом ИРЛИ по своему профилю и тематике³⁸. Эта же мысль была высказана А. Г. Фоминым в частных письмах Н. К. Пиксанову от 27 ноября и 1 декабря 1932 года³⁹.

³⁶ См.: там же. Л. 61.

³⁷ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 73..

³⁸ См.: там же. Дело фонда № 377. Письмо от 19 июля 1932 г.

³⁹ См.: там же. Дело фонда № 377.

В связи с созданием в Москве Литературного музея возник вопрос о передаче туда архива С. А. Венгерова. Опасаясь за его судьбу, семья С. А. Венгерова направила 27 ноября 1932 года письма заведующему Музеем В. Д. Бонч-Бруевичу и Народному комиссару просвещения А. С. Бубнову с возражением⁴⁰ против передачи архива в Москву. Вновь был поднят вопрос о поступлении архива в Пушкинский Дом.

Наконец Разрешение было получено. В письме от 10 декабря 1932 года Н. К. Пиксанов сообщает А. Г. Фомину о распоряжении А. С. Бубнова (от 9 ноября 1932 г.) немедленно передать архив С. А. Венгерова в Пушкинский Дом⁴¹.

В 1933 году Институт книговедения был ликвидирован. Началась поэтапная передача архива С. А. Венгерова в ИРЛИ. Сохранились акты приема-передачи материалов, датируемые мартом—маем 1933 года⁴².

Впоследствии из архива С. А. Венгерова был выделен ряд материалов, имеющих самостоятельное значение. Так, архив М. А. Протопопова в количестве 65 ед. хр. стал самостоятельным фондом, в Литературный музей ИРЛИ было передано иконографическое собрание — около 35000 гравюр, фотографий, фотокопий, литографий и пр.; фотографии с Пушкинских рукописей поступили в Пушкинский фонд ИРЛИ, дневник Н. А. Добролюбова за 1857 год — в фонд Н. А. Добролюбова, библиотека С. А. Венгерова была полностью передана в библиотеку ИРЛИ, материалы о деятельности Литфонда вошли в состав архива Литфонда.

В соответствии с завещанием С. А. Венгерова была подготовлена программа издания литературной части архива. Сохранился ее проект с припиской рукой Н. Мордовченко и его записка о составе материалов для публикации⁴³. В издание планировалось включить автобиографии, письма, рукописи. Предполагалось выпустить пять сборников. В Деле фонда № 377 имеется недатированное письмо В. С. Венгерова в издательство «Academia» с просьбой включить публикацию материалов архива в план издания на 1935 год и определить объем издания⁴⁴. К сожалению, этот замысел не осуществился. По-видимому, это связано с тем,

40 См.: там же.

41 См.: там же.

42 См.: там же.

43 См.: ИРЛИ. Дело фонда № 377.

44 См.: там же.

что В. С. Венгеров был репрессирован и по Постановлению особой тройки при УНКВД по Карагандинской области в 1938 году расстрелян.

В настоящее время в составе Отдела библиографии и источниковедения ИРЛИ создана группа по подготовке к публикации аннотированного указателя к автобиографическому собранию С. А. Венгерова. В дальнейшем предполагается публикация автобиографий русских писателей с развернутыми комментариями.

Ведется работа по научно-технической обработке архива и составлению научно-справочного аппарата к нему.

Архив продолжает пополняться. Так, за последнее время поступили материалы старшего сына С. А. Венгерова, Всеволода Семеновича, переданные в Рукописный отдел его дочерью Ниной Всеволодовной Венгеровой, за что мы приносим ей глубокую благодарность.